
УДК 801.731

DOI: 10.31249/hoc/2024.03.15

Ранчин А.М.*

Рецензия на книгу:

Долбилов М.Д. Жизнь творимого романа: от авантекста к контексту «Анны Карениной». – Москва : Новое литературное обозрение, 2023. – 704 с., илл.

Получена: 03.05.2024

Принята к печати: 10.06.2024

Для цитирования: Ранчин А.М. [рец.] // Вестник культурологии. – 2024. – № 3(110). С. 249–257. – Рецензия на книгу: Долбилов М.Д. Жизнь творимого романа: от авантекста к контексту «Анны Карениной». – Москва : Новое литературное обозрение, 2023. – 704 с., илл. – DOI: 10.31249/hoc/2024.03.15

Ranchin A.M.

Book review:

Dolbilov M.D. The life of a novel in the making: From avant-text to the context of “Anna Karenina”. – Moscow: New literary review, 2023. – 704 p., ill.

Received: 03.05.2024

Accepted: 10.06.2024

* ***Ранчин Андрей Михайлович*** – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; aranchin@mail.ru

Ranchin Andrey Mikhailovich – DSc in Philology, Professor, Leading Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; aranchin@mail.ru

For quoting: Ranchin A.M. // Herald of Culturology. – 2024. – No. 3(110). – P. 249–257. Book review: Dolbilov M.D. The life of a novel in the making: From avant-text to the context of Anna Karenina. – Moscow : New literary review, 2023. – 704 p., ill. DOI: 10.31249/hoc/2024.03.15

Изучение истории текста «Анны Карениной» насчитывает уже много десятилетий. Однако недавно изданная книга по этой теме, принадлежащая перу российско-американского историка М.Д. Долбилова, носит принципиально новаторский характер: автор совмещает собственно текстологическое изучение с историческим комментированием романа, показывая, как погруженность Л.Н. Толстого в актуальный для него социальный, литературный и политический контекст определяет эволюцию писательского замысла. Если традиционно в отечественной текстологической традиции изучение редакций преследовало утилитарную цель установить канонический текст произведения, то для М.Д. Долбилова это способ проследить развитие писательской идеи, проследить генезис исследуемого сочинения и выявить некоторые особенности его поэтики, прежде всего аллюзии на события современной автору жизни и полускрытые намеки на известных реальных лиц. Для этого ученый скрупулезно рассматривает авантекст «Анны Карениной» – совокупность всех сохранившихся рукописей и наборных гранок произведения. М.Д. Долбилов так объясняет характер своей работы: «Погружение в авантекст, расплетение нитей генезиса побуждают применить к *A<нне> K<арениной>* излюбленный толстовский же прием остранения – попытаться полностью или частично прочесть роман, абстрагируясь – насколько возможно – от его принадлежности к мировому литературному канону и от аккумулированного за полтора столетия капитала славы» (с. 661). Иными словами, происходит смена ракурса, оптики: знаменитый роман прочитывается примерно так, как его воспринимали современники Толстого, принадлежавшие к одной социальной среде с автором.

Такой подход дает возможность увидеть соотношенность целого ряда романских мотивов с реалиями 1860–1870-х годов. Это великосветская экзальтированная религиозность; это адюльтеры в аристократических кругах, в том числе среди придворных, и великокняжеских и царской семьях; это всплеск панславистских настроений в све-

те, вызванный антитурецким восстанием в Сербии; это деятельность высшей администрации, в частности колониалистского характера; это военная карьера, делаемая благодаря участию в среднеазиатских кампаниях; это противостояние прогрессистских и консервативных землевладельцев и их представлений в пореформенных условиях. Естественно, на различные аспекты этой соотнесенности указывалось и раньше. Однако такого системного исследования прежде не предпринималось.

В случае с первым мотивом М.Д. Долбилов указывает на окружение императрицы Марии Александровны, называя прежде всего фрейлин графиню А.Д. Блудову и А.Ф. Тютчеву и родственницу писателя графиню А.А. Толстую. Второму мотиву соответствуют «скрытые светские междоусобицы и семейный кризис» в доме Романовых¹ как «контекст и подтекст, нужные для того, чтобы усилить интригу повествования и углубить достоверность драмы Анны и Вронского, подвергающихся остракизму общества. Но эти современные обстоятельства были интересны и сами по себе, и Толстой использовал фабулу своего произведения для отсылок к реальным событиям и положениям» (с. 425). Игру слов в доведенной до окончательного текста романа реплике Стивы Облонского о военном разводе, который делает государь, и о разводе Анны, которому способствует сам ее брат, М.Д. Долбилов помещает в контекст семейной жизни царя и генерал-фельдмаршала А.И. Барятинского. Слово «государь» писатель, готовя текст для журнальной публикации, заменил на «фельдмаршал», сохранив это исправление и в отдельном издании романа. Публикаторами «Анны Карениной» в составе юбилейного 90-томного полного собрания сочинений правка была признана цензурно мотивированной, и «фельдмаршал» был вытеснен более ранним «Государем»². В издаваемом сейчас 100-томнике Толстого эта правка была отменена в пользу «фельдмаршала»³. М.Д. Долбилов, не склоняясь безусловно ни к од-

¹ Речь идет первую очередь о фактическом оставлении Александром II супруги Марии Александровны и создании «параллельной» семьи с Екатериной Долгоруковой.

² Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство «Художественная литература», 1934. – Т. 18. – С. 455.

³ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 100 т. – Москва : Наука, 2020. – Т. 11. – С. 406.

ному из этих решений, доказывает, что и та и другая лексема содержат актуальную острую аллюзию (с. 391–393).

Пристальное прочтение позволяет ученому обнаружить в «Анне Карениной» дошедшую до окончательного текста отдельного издания аллюзию на связь великого князя Николая Николаевича с актрисой Числовой, фигурирующей в реплике приятеля Вронского Яшвина под прозрачным «синонимичным» именем Нумеровой (с. 134, 140–151, 426). А сам Николай Николаевич запечатлен в образе «высокого генерала», которому низко кланяется Каренин. По мере работы над текстом Толстой несколько камуфлировал связь с прототипом: в рукописной редакции подобострастно приветствуемый Карениным генерал был прямо назван великим князем (с. 134–139).

Каренин соотносится с сановником, крупным администратором П.А. Валуевым. Эта параллель указывалась и раньше, но исследователь подкрепляет ее детальным анализом проектов, к которым были причастны как Валуев, так и его литературный «родственник».

Прототипами преуспевающего на военном поприще знакомого Вронского Серпуховского (в авантексте также фигурирующего под именами Белевского и Машкова) М.Д. Долбилов считает графа, гвардейского генерала, начальника штаба Гвардейского корпуса И.И. Воронцова-Дашкова (с. 180–188) и генерал-фельдмаршала князя А.И. Барятинского (с. 188–194). При этом прототипическая роль присуща Барятинскому отнюдь не только в отношении персонажа «Анны Карениной»: «Более или менее отчетливо соотнесенный с реальным Барятинским персонаж – баловень судьбы в генеральских эполетах и в ранге еще вышшем, чем просто генеральский, в неофициальной иерархии, властный, самоуверенный, лощеный, располагающий к себе красотой и обходительностью, наконец небезответно женолюбивый – мелькает на страницах нескольких толстовских произведений, относящихся к самым разным периодам его творчества» (с. 191).

В реплике старого князя Щербацкого в рукописной копии гранки второго журнального набора упоминался некий ярый панславист и поборник заступничества за южных славян Иван Иванович Рагозов. М.Д. Долбилов находит для него реальный прообраз, который должен был легко узнаваться читателями, – А.С. Ионина, генерального консула России в Рагузе, известного ярой поддержкой восстания славян в Герцеговине (с. 515–520).

В актуальном социальном контексте рассматривает автор рецензируемой книги и взгляды Левина, относящиеся к землевладению и устройству пореформенного сельского хозяйства. Исследователь указывает на сочинение «приверженца сословных привилегий дворянства Н.А. Безобразова» (с. 578) – автора брошюры «О свободном труде при поместном устройстве» (1863), в которой выражены во многом сходные воззрения.

Все аналогии между сюжетом и персонажами романа и реальными событиями и лицами толстовского времени в книге «Жизнь творимого романа» проводятся с опорой на многочисленные источники, в том числе и архивные. «Анна Каренина» оказывается произведением, погруженным в жизнь русской аристократии и придворных кругов намного глубже, чем считалось.

Также М.Д. Долбилов реконструирует литературный контекст романа, указывая на отчасти аналогичные представленным в «Анне Карениной» образы, ситуации и мотивы, встречающиеся в литературе 1870–1880-х годов. Это, например, светские романы Б.М. Маркевича или фельетон В.П. Мещерского «Лорд-апостол в большом петербургском свете», направленный против модного в петербургском свете протестантского проповедника Г. Редстока. В толстовском романе описаны опасения Облонского, как бы его не заставили молиться, и его сон, где Landau требует от Каренина дать ему руку; в тексте Мещерского такому же испытанию подвергает князя Суханова лорд Хитчик. «Толстой в самом деле не избежал повторения клише из арсенала записных обличителей Редстока», – делает вывод М.Д. Долбилов (с. 497, прим. 2).

Весьма интересны и примеры исследования поэтики романа, хотя этот предмет и не является для М.Д. Долбилова основным. Таков скрупулезный анализ ранней версии развязки: Анна едет в экипаже, и «вместо того чтобы разубедить себя в наличии оснований для ревности, она вновь отдается созерцанию картин, освещенных тем пронизывающим светом, который с кажущейся бесспорностью объясняет любовь к ней Вронского его тщеславием и погоней за престижем» (с. 296). Ученый показывает: «...возобновление движения ненадолго остановившегося экипажа, можно сказать, оказывается точкой невозврата в дрейфе Анны к суициду. Вплоть до конца рукописи Толстой выдерживает этот рефрен с какой-то избыточной пунктуальностью и

даже греша тавтологией: почти каждый транзитный момент сопровождается сообщением нарратива о “статусе” света, прямое наименование которого “электрическим” в процитированном выше отрывке добавляет ему яркости и холодности» (с. 297, курсив в оригинале).

Автор рецензируемой книги убедительно объясняет, почему Толстой отказался от мотива развода Анны и брака с Вронским, о чем сообщалось в так называемой первой законченной редакции романа, где любовника героини зовут Удашевым (с. 417–426). (След этой версии, с упоминанием о готовности Каренина согласиться на развод, сохранился в журнальной редакции «Анны Карениной».) От развода и нового замужества отказалась сама Анна, ее решение психологически мотивировано: «Только лишь “считать себя” женой Вронского, а не быть ею, составляло для Анны переживание, неотделимое от ее экзистенциального устремления к самоутверждению через отказ от развода» (с. 424).

Убедительно объяснение, почему по мере работы Толстого над романом образ Каренина на позднем этапе подвергся «окарикартуриванию» (с. 482). Эволюция связана с новой задачей – «служить аллегорией ложной религиозной веры и питаемых ею притязаний на духовное водительство» (с. 483). (Характеристика Каренина как «аллегии», впрочем, представляется весьма неточной.) Объяснена и сама природа этого неприятия: «Апология обращения как неожиданного озарения была непростительным грехом для того, кто гордился бременем *искания*, выработки веры; с этой точки зрения разница между проповедником и “обожательницами” была исчезающе мала – они одинаково олицетворяли неприемлемый для Толстого элитистский, претенциозный извод нового увлечения религией» (с. 497).

Интересны соображения, выдвинутые против восходящей к В.В. Набокову¹ идеи, что действие в линии Анны и Вронского опережает события линии Левина и Кити почти на год. М.Д. Долбилов оспаривает буквальную трактовку фразы «То, что почти целый год для Вронского составляло исключительно одно желанье его жизни <...> это желанье было удовлетворено», характеризующей достигнутое героем близость с Анной (ч. 2, гл. 11) (с. 306–311). Его толкова-

¹ См.: Набоков В.В. Лекции по русской литературе / пер. с англ. И. Толстого. – Москва : Независимая газета, 2001. – С. 275.

ние: «Не будет большой натяжкой предположить, что в этой точке генезиса произошло слияние тока времени автора со временем персонажа» (с. 310). Для М.Д. Долбилова это «хронологическая гипербола» (с. 311); ««Почти целый год» Вронского может обозначать восприятие персонажем короткого, но бурно прожитого отрезка времени как протяженного» (с. 312). Убедительны соображения, что пребывание Анны и Вронского за границей, в том числе в Италии, как следует из явной внутренней хронологии романа, вроде бы очень краткое, должно в действительности занимать почти год (с. 401–417).

Внимательное прочтение текста романа обнаруживает в нем еще много необычного и интересного. Например, оказывается, что картина звездного неба с восходящей Венерой, которую видит на вечерней тяге Левин (ч. 2, гл. 15), соответствует не вечеру, а утру. Эта несообразность объясняется так: «Символике восходящей звезды как раз и созвучна тема любви и надежды, которую вводит вопрос, задаваемый Левиным Стиве минуту спустя после того, как Венера поднялась (парадоксально) над ветвью березы <...>» (с. 650).

Кроме всего прочего, результаты предпринятого М.Д. Долбиловым исследования ценны и с текстологической точки зрения. Помимо ряда частных замечаний, существенных в эдичионном отношении (правильное прочтение слова в одном из писем Толстого или требуемая смыслом постановка запятой в окончательном тексте «Анны Карениной»), важно открытие исследователем в рукописях писателя особой редакции произведения, названной им дожурнальной цельной¹. «Обосновываемая <...> реконструкция редакции 1874 года охватывает материал не только начальной части, но и тех последующих частей и глав, которые, не достигнув тогда стадии чистовой наборной копии, были тем не менее к ней весьма близки. <...> Здесь уместно сравнение с датируемой весной 1873 года Первой законченной редакцией, воссозданной В.А. Ждановым и Э.Е. Зайденшнур как первообраз *О<кончательного> Т<екста>*. Ретроактивная проекция структуры *О<кончательного> Т<екста>* на ранние рукописи дала своеобраз-

¹ Это редакция более поздняя, чем так называемая первая законченная (ср.: Толстой Л.Н. Анна Каренина / изд. подгот. В.А. Жданов, Э.Е. Зайденшнур. – Москва : Наука, 1970. – С. 687–799. – (Литературные памятники)), и более ранняя, чем преданная тиснению в «Русском вестнике».

разный результат – коллаж фрагментов, вычлененных из черновых автографов по довольно абстрактному критерию завершенности письма в первом приближении и выстроенных в последовательности не тогдашней, а финальной версии сюжета. На этом фоне *ДЖ ЦР* (дожурнальная цельная редакция. – А. Р.) представляется если и не такой захватывающе отдаленной и вместе с тем похожей на канон, то более “вещественной” и строже соотносимой и с логикой генезиса, и с тем, как виделся известный этап работы самому автору. <...> Попросту говоря, на определенном, пусть и недолгом, участке работы над романом *ДЖЦР* существовала в материальном виде увесистого манускрипта» (с. 229). Эта реконструкция была осуществлена благодаря кропотливой работе с рукописями Толстого – установлению последовательности черновиков и слоев авторской правки.

Подводя итоги своей работы, исследователь замечает: «Проследживая процесс создания *А<нны> К<арениной>*, с его сбоями, перерывами, мы можем четче увидеть Толстого в его соположенности беллетристам того времени – не только членам негласного клуба пишущей элиты, но и авторам далеко не “первого ряда”. Черновики убедительно показывают, что творец романа, кажущегося теперь обреченным при рождении на бессмертие, был в каком-то смысле рядовым потребителем литературных клише, сословных стереотипов, ходячих истин, сиюминутных *bon mots* и прочих ингредиентов того бульона, который питает сочинительство и приземленного регистра, и великого полета» (с. 661). Это утверждение представляется все-таки некоторым преувеличением, как и другое замечание автора книги, который, отталкиваясь от свидетельства В.П. Катаева о желании Бунина переписать «Анну Каренину», убрав шероховатости и длинноты, признает важным, что «впечатление Бунина, будто текст романа ожидает стороннего усилия, чтобы достичь совершенства, согласуется с эмпирически устанавливаемыми особенностями его генезиса» (с. 662).

Генезис «Анны Карениной», как показал М.Д. Долбилов, – это, действительно, тот же «бульон», что питал и сочинителей второго и третьего ряда, а в тексте романа встречаются некоторые несообразности и нестыковки. Но «рядовым потребителем» «ходячих истин» писателя все же вряд ли верно называть: этим «истинам» и стереотипам он шел скорее вразрез, творил наперекор. (Что отчасти показывает и сам анализ, предпринятый ученым.) А мелкие изъяны не отменяют

ощущения почти идеальной целостности сложного сооружения, каким является роман. Здесь внимательный взгляд исследователя становится «слишком пристальным», а итог до некоторой степени оказывается заслонен авантекстом. Впрочем, такая абберрация естественна и даже неизбежна.

Резюмируем сказанное выше: книга М.Д. Долбилова – замечательное исследование, значение которого для текстологов и комментаторов «Анны Карениной», а отчасти и для изучающих поэтику романа, трудно переоценить.